

Татьяна И. Вендина*

Институт славяноведения РАН
Москва

Слово в пространстве и времени¹

Введение

Гносеологический облик лингвистики XXI в. во многом изменился благодаря лингвистической географии, позволившей расширить парадигму исследования. Пространственный дискурс вместе с описанием структуры и функции языковых единиц в синхронии и диахронии создали своеобразное гносеологическое триединство лингвистики, исследующей язык в трех измерениях – структуры, пространства и времени.

Давний спор академиков А. А. Шахматова и А. И. Соболевского о предпочтительности диалектных или исторических данных для изучения истории языка в лингвистической географии получил принципиально новое решение: репрезентируя в мельчайших деталях синхронный срез современных славянских диалектов, карты любого атласа являют собой своеобразную иллюстрацию триединства классицизма – «единства времени», «единства

* Tatjana I. Vendina, Professor, Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies, Moscow, Russia.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7752-6615>

e-mail: vendit@rambler.ru

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-04-00013 «Личные черты человека в славянских диалектах. Лингвогеографический аспект»).

места» и «единства действия», давая представление о судьбе элементов языковой системы в пространстве и времени.

Возможность пространственной визуализации картографируемых языковых единиц сделала реальной и их временную стратификацию подобно той, которой располагает славистика, предлагая относительную и даже абсолютную хронологию для многих фонетических и грамматических явлений праславянского языка.

И в этом отношении уникальным источником новых сведений о судьбе славянских лексических единиц явился *Общеславянский лингвистический атлас* – грандиозный лингвогеографический проект сравнительно-исторического языкознания XX в., аналога которому славистика не знает.

В настоящее время опубликовано восемь томов *Общеславянского лингвистического атласа* лексико-словообразовательной серии, в частности: т. 1 *Животный мир* (Москва 1988), т. 2 *Животноводство* (Warszawa 2000), т. 3 *Растительный мир* (Мінск 2000), т. 4 *Сельское хозяйство* (Братислава 2012), т. 6 *Домашнее хозяйство и приготовление пищи* (Москва 2007), т. 8 *Профессии и общественная жизнь* (Warszawa 2003), т. 9 *Человек* (Kraków, 2009), т. 10 *Народные обычаи* (Москва 2015) и восемь томов фонетико-грамматической серии: *Рефлексы *ě* (Београд 1988), *Рефлексы *ę* (Москва 1990), *Рефлексы *ǫ* (Warszawa 1990), *Рефлексы *ьr, *ьr, *ьl, *ьl* (Warszawa 1994), *Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные* (Скопје 2003), *Рефлексы *ь, *ь* (Zagreb 2006), *Рефлексы *o* (Москва 2008), *Рефлексы *e* (Москва 2012)².

1. О чем же говорят карты³ атласа?

1.1. Прежде всего они говорят о жизни праславянских слов в современных славянских языках. Судьба этих слов оказалась разной. Одни слова, обладая огромной жизненной силой, сумели противостоять времени, которое оказалось над ними не властно. Плотнo покрывая всю территорию Славии, они образуют т.н. системные ареалы (ср., например,

² Полные библиографические данные всех томов даны в конце статьи в списке литературы.

³ Для иллюстрации описываемых явлений в конце статьи представлены карты-схемы. На карте-схеме методом рекартографирования воспроизведены ареалы только рассматриваемых лексем, полное представление о лексическом многообразии *terra Slavii* дают соответствующие карты в указанных томах. По техническим причинам карты-схемы даны в небольшом формате, но они отражают описываемые явления. Для более наглядного представления в некоторых случаях в примечаниях даются ссылки на карты в томах ОИА.

ареалы таких праславянских лексем, как *vod-a* (к.-схема 1)⁴, *kon-j-ь*, *pol-j-e*, *tor-j-e*, *osm-ь*, *moj-ь*, *moj-a*, *sol-ь*, *snop-ь*, *rog-ь*, *ros-a*, *kor-a* и др. в фонетическом томе *Рефлексы *o*; или распространение лексем *zem-j-a*, *med-ь*, *sedm-ь*, *šest-ь*, *tret-ьj-ь*, *vesel-ьj-e*, *ber-e-ть*, *devět-ь*, (j)*ezer-o* // *ozer-o*, (j)*elen-ь* // *olen-ь*, *per-o*, *sestr-a* и др. в томе *Рефлексы *e* и др.).

Об этом говорят и другие слова праславянского языка, которые оказались подвержены влиянию времени, ибо их ареалы стали разрушаться (ср. ареалы лексем **ot-ьс-ь* (к.-схема 14), **ov-ьс-a* (к.-схема 7), **ovьs-ь* (к.-схема 3)⁵, **gost-ь*, **krьt-ь*, **mqk-a*, **sq-sěd-ь*, **pros-i-tь*).

Первый тип ареалов представляет собой довольно редкое явление, тогда как второй – широко распространенное. Разрушение ареалов праславянских лексем прослеживается во всех славянских диалектах, поэтому в Атласе представлено сравнительно немного праславянских лексем, плотно покрывающих всю территорию Славии. Невольно напрашивается вывод: чем больше территория, тем меньше праславянских лексем, способных ее «освоить» (или «удержать») полностью.

О разрушительных процессах, протекающих в этих ареалах, свидетельствует факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку они находятся часто в отношениях конкуренции с другими лексемами (ср., например, ареал лексемы *dqb-ь* (к.-схема 2), которая широко распространена в северной Славии, но имеет ограниченные ареалы – в южной, в частности, в словенских, хорватских и сербских диалектах, где с ней конкурируют лексемы *xvǫst-ь*, *gor-un-ь*, *cer-ь* на к. 26 ‘дуб’ (т. 3: *Растительный мир*); или ареал лексемы *mqk-a* (к.-схема 12) на к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*)⁶, которую в южнославянских диалектах активно теснят лексемы *boǣ-ьn-o*, *mel-j-a*, *mel-iv-o*, *тыl-iv-o*. О былом существовании этих лексем в южнославянских диалектах свидетельствуют возникшие на их базе дериваты, ср. серб., хрв., мак. *dqb-ov-in-a* (хрв. *du'bovina*, серб. *dúbovina*, мак. *dubo'vina*), серб., мак. *dqb-ov-o derv-o* (мак., серб. *'dubovo 'dŕvo*) к. 28 ‘древесина дуба’ (т. 3: *Растительный мир*); серб., мак. *dqb-ov-a šum-a* (мак. *dábova šuma*), серб. *dqb-ov-a gor-a* (*du'bova 'gora*) к. 27 ‘дубовый лес’ (т. 3: *Растительный мир*); или блг., мак. *мучник*, болг. *мъчник* ‘ларь, в который сыпается мука на водяной мельнице’).

⁴ Примеры приводятся в обобщающей морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА, которая позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

⁵ См.: <http://www.slavatlas.org/files/publications/atlas/ola-4/601.pdf>.

⁶ См.: <http://www.slavatlas.org/files/publications/atlas/ola6a/11-1058.pdf>.

Вместе с тем и одни, и другие слова говорят о реальном существовании праславянского языка, причем не просто как о некой абстрактной модели, а как о живом языке, во всем его диалектном многообразии.

1.2. Материалы атласа позволяют ответить на вопрос, где происходит чаще всего разрушение ареала? Карты атласа говорят о том, что разрушение ареала лексем, имеющих общеславянское распространение, может происходить как в центре современной Славии, так и на периферии.

Примером разрушения ареала праславянских лексем в центре современной Славии могут служить ареалы лексем *ov-ьс-а* (к.-схема 7) и *žen-а* (к.-схема 8)⁷ в украинских и белорусских диалектах. Ареалы этих лексем являются разорванными, поскольку в этих диалектах они активно вытесняются возникшими на их основе лексемами *žen-ьк-а* и *ov-ьс-ьк-а*.

Что касается периферии, то материалы Атласа говорят о том, что такой периферией чаще всего является юго-восток южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах нередко наблюдается либо сужение ареала лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие. Сравни, например, распространение лексемы *ob-ěd-ь* (к.-схема 4) к. 59 'обед, еда в дневное время' (т. 6: *Домашнее хозяйство* ...), которая имеет обширный ареал в восточной и западной Славии и ограниченный – в южной, где ее вытесняют лексемы *už-in-а*, *rqč-ьк-ь*, *pol-u-dьn-e*; или лексемы *sq-sěd-ь* (к.-схема 13)⁸ (**sqšědъ* < и.-е. **saŋsát(d)*, ср. Фасмер, т. 3: 726; ЕСУМ, т. 5: 482) к. 2 'сосед, человек, живущий в соседнем доме' (т. 8: *Профессии* ...), которая широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах, а также в словенских и хорватских, имеет ограниченный ареал в сербских диалектах (шумадийско-воеводинских, восточно-герцеговинских, зетско-сеникских и косовско-ресавских) и точечный в северо-восточных болгарских (п. 128), поскольку здесь получила широкое распространение лексема турецкого происхождения (*котъ*)-*i-j-а*; сходный ареал имеют и лексемы *туъ-ь* к. 14 'мышь' (т. 1: *Животный мир*); *ot-ьс-ь* к. 7 (т. 5: *Рефлексы *o*) и др.

Особенно много ареалов такого типа представлено на картах фонетических томов Атласа, ср., например, карты *он-ь* (**онъ* < и.-е. **eno-/*ono-/*но-*, ср. Фасмер, т. 3: 140; Шапошников, т. 2: 69); *огн-ь* (**огнь* < и.-е. **ognis/*egnis*, ср. Фасмер, т. 3: 78; ЕСУМ, т. 1: 414); *овьс-ь* (**овьсъ* < и.-е. **awiġ-*, ср. Фасмер, т. 3: 113; ЕСУМ, т. 4: 150); *стол-ь* (**столь* < и.-е. **st(h)el-*, ср. Фасмер, т. 3: 764; ЕСУМ, т. 5: 419); *дом-ь* (**домъ* < и.-е. **dōm-*, *dēm-*, **dŋ*, ср. Фасмер, т. 1: 526; ЭССЯ, т. 5: 72); *дън-о* (**дъно* < **дъбно* < и.-е. **dhubh-*

⁷ См.: <http://www.slavatlas.org/files/publications/atlas/ola6/57-zhena.pdf>.

⁸ См.: <http://www.slavatlas.org/files/publications/atlas/ola8/map-02.pdf>.

dheubh-, ср. Фасмер, т. 1: 519; ЭССЯ, т. 5: 174); *gor-a* (**gora* < и.-е. **gʰer-*, *gʰor-*, ср. Фасмер, т. 1: 438; ЭССЯ, т. 7: 29); *sox-a* (**soxa* < и.-е. **kǎk-*, ср. Фасмер, т. 3: 729; ЕСУМ, т. 5: 362); *nog-a* (**noga* < и.-е. **onogh-*, **ongh-*, **ŋgh-*, ср. Фасмер, т. 3: 78; ЭССЯ, т. 25: 161); *kost-ь* (**kostь* < и.-е. **ost-*, ср. ЭССЯ, т. 11: 167), *gost-ь* (**gostь* < и.-е. **ghost(i)s*, ср. ЭССЯ, т. 7: 67), *pot-ь* (**potь* < и.-е. **poktos*, ср. Фасмер, т. 3: 342; ЕСУМ, т. 4: 417), *voj-ьn-a* (**vojьna* < и.-е. **uceia-*, **ucei-*, ср. Фасмер, т. 1: 334; ЕСУМ, т. 1: 431), *topor-ь* (**toporь* < и.-е. **ter-/top-*, ср. Фасмер, т. 4: 79; Шапошников, т. 2: 422) (т. 5: *Рефлексы *o*) или карты *led-ь* (**ledь* < и.-е. **ledu-*, ср. ЭССЯ, т. 14: 91), *nes-l-ь* (**neslь* < и.-е. **nesti* < и.-е. **enek-*, **neĕk*, *ŋĕk-*, ср. Фасмер, т. 3: 67; ЭССЯ, т. 25: 19); *perel-ь* // *popel-ь* (**perelь* // **popelь* < и.-е. **pel-/pol-*, ср. Фасмер, т. 3: 234; Шапошников, т. 2: 117) (т. 6: *Рефлексы *e* и др.).

Другой такой периферией *terra Slavia*, где часто наблюдается разрушение ареалов праславянских лексем, являются русские диалекты, в которых, лексемы, имеющие общеславянского распространение, локализируются часто или в латеральном ареале на границе с украинскими и белорусскими диалектами (ср., например, распространение лексемы *večer-j-a* (к.-схема б) к. 62 'ужин, вечерняя еда' (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*), которая имеет обширный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских; в русских диалектах ее ареал является латеральным, так как ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими); или в небольшом островном ареале (ср. распространение лексемы *(j)agn-ę* к. 29 Nsg '(j)agne' (т. 2: *Животноводство*) (к.-схема 5), которая широко распространена в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских, имеет островные ареалы в белорусских юго-западных и западнополесских говорах и микроареал – в южнорусских (пп. 841, 846)).

Такая ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему центрально-периферийной противопоставленности инноваций и архаизмов, в соответствии с которой архаизмы лучше сохраняются на окраине, нежели в центре.

Исследование показало, что ареалы архаизмов часто локализируются не на периферии, а в центре. Кроме того, они могут иметь не только островные, но и обширные ареалы. Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизм. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления.

1.3. Карты атласа позволяют проследить, как происходит разрушение ареала праславянских слов, имевших ранее общеславянское распространение. Показательна типология этого процесса, ибо он связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой. Однако в этой новой лексеме сохраняется как бы «мерцающий» свет ее производящей (ср., например, ареалы лексем *krъt-ic-a*, *ov-ъč-ъk-a*, *žen-ъk-a*, *//ež-ъk-ъ*, *//ež-ak-ъ*, *//ež-ik-ъ*, *měst-ъc-e*, *myš-ъk-a*).

В этом отношении чрезвычайно любопытен ареал лексемы *měst-o* (*měst-o* < и.-е. **meit(h)-*, и-е**mēit-*, ср. ЭССЯ, т. 18: 206) к. 46 ‘место’ (т. 8: *Профессии ...*), которая широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в восточно- и западнославянских, особенно в польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема *měst-ъc-e* (примечательно, что лексема *měst-o* сохраняется еще в польских переселенческих с восточнославянских территории говорах п. 240), под влиянием польского языка происходит разрушение и восточнославянского ареала этой лексемы, так как в украинских и белорусских диалектах все более широкое распространение получает лексема *měst-ъc-e* (к.-схема 9).

Сходный ареал имеет и лексема *pъrst-en-j-ъ* к. 40 ‘кольцо с камнем, перстень’ (т. 10: *Народные обычаи*): лексема широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в западнославянских диалектах, особенно в чешских и польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема *pъrst-en-ъk-ъ* (к.-схема 10).

Таким образом, мы видим, что материя не исчезает бесследно, на месте уходящих слов появляются новые, в которых сохраняется «мерцающий свет» старых. Так формируются новые ареалы слов, которые не знают государственных границ.

1.4. Карты атласа иллюстрируют процесс формирования новых ареалов. Формирование новых ареалов происходит под воздействием двух противоположных, но тесно связанных эволюционных процессов – разрушительного и созидательного. Разрушительный процесс приводит к распаду славянского языкового континуума, к усложнению его пространственной структуры, т.е. в конечном итоге к диалектной дифференциации. Созидательный процесс, напротив, имеет интеграционный характер, так как в ходе дифференциации междиалектные контакты сохраняются, что ведет к образованию новых ареалов.

Следует отметить, что карты Атласа свидетельствуют о высокой степени расчлененности диалектного ландшафта Славии. Однако несмотря на его мозаичность на картах Атласа довольно четко просматривается разделение Славии по линии север ~ юг: север *baran-ъ* ~ юг *ov-ъn-ъ* (к.-схема 11); север *těn-ъ* ~ юг *xold-ъ*; север *lēs-ъ* ~ юг *šum-a*; север *sos-ъn-j-a* ~ юг *bor-ъ*; север

съ-čęst-ъj-e ~ юг *съ-ręt-j-a*, *съ-ręt-j-a*; север // *ašč-er-* (*//ašč-er-ъ*, *//ašč-er-ic-a*, *//ašč-er-ъk-a*) ~ юг *gušč-er-* (*gušč-er-ъ*, *gušč-er-ic-a*, *gušč-er-ъk-a*), север *kur-i-tъ* ~ юг *puš-i-tъ* и т.д.), тогда как противопоставление по линии запад ~ восток практически не прослеживается. И эта ареальная картина заставляет поновому взглянуть на проблему эволюции праславянской языковой общности, в частности на первоначальное разделение ее на западную и восточную группы (см. Бернштейн 1961: 68).

Наличие обширных ареалов, локализующихся в северной Славии и противопоставляющих северную Славия южной (ср., например, ареалы лексем *nož-ik-ъ* (к.-схема 15)⁹; *uš-ъk-o*, *rqč-ъk-a*, *nož-ъk-a*, *gor-ъk-a*, *pal-ъc-ъ*, *slov-o* (к.-схема 16)¹⁰, *съ-čęst-ъj-e* невольно наталкивает на мысль о существовании в позднепраславянском восточно-западнославянском единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы. О существовании такого единства косвенно свидетельствует и тот факт, что среди лексем, имеющих общеславянское распространение, особенно много тех, которые имеют разрушенный ареал именно в южнославянских диалектах, тогда как в восточной и в западнославянских он до сих пор остается монолитным, и это при том что все эти лексемы являются праславянскими (ср., например, ареалы праславянских лексем, имеющих и.-е. соответствия **ovъsъ* < и.-е. **awiġ-* (Фасмер, т. 3: 113); **nesъ* < **nesti* < и.-е. **eneĕ-*, **neĕ-*, *ŋĕ-* (Фасмер, т. 3: 67); **bobъ* < и.-е. **bhābhā* (Фасмер, т. 1: 180); **vojъna* < и.-е. **uĕia-*, **uĕi-* (Фасмер, т. 1: 334); **gora* < и.-е. **g^uer-* (Фасмер, т. 1: 438); **domъ* < и.-е. **dōm-*, *dēm-*, **dŋ* (Фасмер, т. 1: 526); **dъno* < **dъbno* < и.-е. **dhub-/dheub-* (Фасмер, т. 1: 519); *(*j*)*ež-ъ* // **ož-ъ* < и.-е. **eg^hġo* (Фасмер, т. 2: 10); **medja* < и.-е. **medhio-* (Фасмер, т. 2: 592); **noga* < и.-е. **onogh-*, **ongh-*, **ŋgh-* (Фасмер, т. 3: 78); **ognъ* < и.-е. **ognis*/**egnis* (Фасмер, т. 3: 78); **onъ* < и.-е. **eno-*/**ono-*/**no-* (Фасмер, т. 3: 140); **stolъ* < и.-е. **st(h)el-* (Фасмер, т. 3: 764); **soxa* < и.-е. **kāk-* (Фасмер, т. 3: 729) и т.д.

Карты Атласа говорят о том, что большинство ареалов северной Славии сформировалось в основном в процессе междиалектных контактов, о чем свидетельствует наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Причем в роли языка-донора выступали чаще всего западнославянские диалекты, преимущественно польские и словацкие (ср., например, распространение таких лексем, как *stъkl-ĕn-ъk-a* (к.-схема 17)¹¹, *podъ-večer-ъk-ъ* (к.-схема 18),

⁹ См.: <http://www.slavAtlas.org/files/publications/atlas/ola6a/20-1101.pdf>.

¹⁰ См.: <http://www.slavAtlas.org/files/publications/atlas/ola9/map-76.pdf>.

¹¹ См.: <http://www.slavAtlas.org/files/publications/atlas/ola6a/06-1036.pdf>.

*gqs-in-a*¹², *doj-ьk-a*, *olov-ьk-ь*, *krav-ьc-ь*¹³, *měst-ьc-e*, *qtr-ob-a*¹⁴ и др.), реже украинские (ср., например, распространение лексем *сѣl-uš-ьk-a*, *krin-ic-a*) и белорусские (ср. распространение лексемы *mold-iv-a*, *kořm-y-sl-a*). Большая часть лексических параллелей представлена суффиксальными образованиями от праславянских основ (ср., например, лексемы *doj-ьk-a*, *gqs-in-a*, *mold-iv-o*, *kraj-ьč-ik-ь*, *za-bqd-e-tь* и др.), что указывает на поздний характер формирования их ареалов. Примечательно, что среди этих лексем нередко встречаются такие, которые являются собственно восточнославянскими или западнославянскими суффиксальными новообразованиями от праславянских основ (ср. вост.-сл. *za-bqd-e-tь*, *lěj-ьk-a*, *куп||-ѣт-ьk-ь*, *doj-ar-ьk-a*, *krъš-ьk-y*; или зап.-сл. *podъ-večer-ьk-ь*, *kraj-e-tь*, *stud-ьn-j-a*, которые, однако, в процессе языковой истории смогли расширить свои ареалы).

1.5. На картах атласа существует и еще одна серия слов, имеющих локальные ограничения в своем распространении. Это слова, характерные только для одной группы языков – восточных, западных или южных. Интересно, что в Атласе практически не обнаруживается ареалов лексем, плотно покрывающих территорию западнославянских или южнославянских диалектов, тогда как восточнославянский диалектный континуум характеризуются высокой степенью гомогенности (особенно, когда речь идет об ареалах древних лексем, ср., например, ареалы лексем *krop-iv-a*, *ob-ěd-a-j-e-tь*, *sъ-kaž-e-tь*, *rьt-ь*, *vis-ьk-ь*, *deš-ev-ь* и др.). Так, например, лексема *ob-ěd-a-j-e-tь* (**obědati* < **obědy*, ср. Шапошников, т. 2: 36; ЭССЯ, т. 27: 181) к. 60 ‘ест обед’ (т. 6: *Домашнее хозяйство* ...) имеет распространение во всех восточнославянских диалектах и только в юго-западных украинских и в отдельных белорусских диалектах она находится в отношениях конкуренции с лексемой *pol-u-dьn-a-j-e-tь*; или лексема *sъ-kaž-e-tь* (**sъkazati* < **kazati*, ср. Шапошников, т. 2: 324) к. 64а ‘скажет’ (слово) (т. 9: *Человек*), которая плотно покрывает территорию всей восточной Славии и только в некоторых юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивает лексема *po-věst-ь*; или лексема *rьt-ь* (< **rьtь* < и.-е. **ru-to* < **geu-*: *gou-*, ср. Шапошников, т. 2: 287) к. 16 ‘рот’ (т. 9: *Человек*): лексема плотно покрывает территорию всей восточной Славии и только в некоторых юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивает лексема *rusk-ь*, а также в северо-западных белорусских – заимствованная из польских диалектов лексема *gob-a*.

Системный, а главное континуальный характер ареалов этих лексем, говорит о том, что они могли сформироваться еще до распада восточнославянско-

¹² См.: <http://www.slavatlas.org/files/publications/atlas/ola6a/25-1115.pdf>.

¹³ См.: <http://www.slavatlas.org/files/publications/atlas/ola8/map-16.pdf>.

¹⁴ См.: <http://www.slavatlas.org/files/publications/atlas/ola9/map-54.pdf>.

го языкового единства. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что некоторые из них зафиксированы в древнейших памятниках письменности, например, лексема **съкажеть** в Остромировом евангелии XI в. СРЯ XI–XVII, т. 24: 165; **рътъть** Надп. Соф. Новг. XI–XII в. СРЯ XI–XVII, т. 22: 220). Однако нельзя исключить и возможности образования их ареалов в рамках собственной истории восточнославянских языков, так как в памятниках письменности эти лексеммы фиксируются довольно поздно (например, др.-рус. **обѣдати** фиксируется в памятниках письменности в XV–XVI вв. (СРЯ XI–XVII, т. 12: 26).

Карт, иллюстрирующих гомогенный западно- или южнославянский ареал очень немного: в западнославянских диалектах это всего две карты: к. 26 ‘синица’ (т. 1: *Животный мир* с лексемой *sikor-ъk-a* (**sykorъka* < **sykora* < **sykati*, ср. Grückner, с. 490; Boguś, с. 547), которая широко распространена в западнославянских диалектах и не выходит за их пределы, хотя в чешских и польских диалектах ее ареал является дисперсным, так как наряду с ней распространена и лексема *sikor-a* (к.-схема 19)¹⁵; и карта к. 28 ‘соловей’ (т. 1: *Животный мир* с лексемой *solv-ik-ъ* (*solvikъ* < **solvъjъ*, ср. Boguś, с. 559), которая плотно покрывает всю территорию западнославянских диалектов, хотя в чешских моравских говорах, а также в польских горах Силезии ее ареал ограничивает возникшая на ее основе лексема *solv-ič-ъk-ъ* (см. к.-схема 20)¹⁶.

Обращает на себя внимание не только немногочисленность подобных ареалов, но и то, что эти лексеммы являются производными от праславянских основ, что само по себе является свидетельством позднего формирования их ареалов (обе лексеммы А. Брюкнером и В. Борысем относятся к XV в).

В южнославянских диалектах такая же ситуация, как и в западнославянских языках, т.е. подобный ареальный сценарий также встречается довольно редко, ср. распространение следующих лексем:

- *gušč-er-ъ*, *gušč-er-ic-a* (**guščerъ*, *guščerica* < и.-е. **geu-sker*, ср. ЭССЯ, т. 7: 179) к. 30 ‘ящерица’ (т. 1: *Животный мир*): лексема широко распространена во всех южнославянских диалектах;
- *zid-ar-ъ* к. 6 ‘человек, который строит каменные дома’ (т. 8: *Профессии...*): лексема широко распространена во всех южнославянских диалектах и не выходит за их пределы (интересно, что в чешских диалектах и в единичном словацком пункте 208 зафиксирована однокоренная лексема *zid-ъn-ik-ъ*);
- *žit-o* (**žito* < *žiti*, ср. Фасмер, т. 2: 57; ЕСУМ, т. 2: 200) к. 57 ‘рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые’ (т. 4: *Сельское хозяйство*): лексема широко распространена во всех южнославянских

¹⁵ См.: <http://www.slavatlas.org/files/publications/atlasylola1/map-26.pdf>.

¹⁶ См.: <http://www.slavatlas.org/files/publications/atlasylola1/map-28.pdf>.

диалектах, хотя в некоторых из них она известна в другой грамматической форме: *žit-a* (*Npl*) болгарские диалекты или *žit-ъ* – словенские.

Поэтому даже если предположить, что в ходе истории славянских языков былое единство общезападнославянских и общеожнославянских ареалов было разрушено временем, практическое отсутствие этих изоглосс на картах Атласа является серьезным аргументом против существования в прошлом их историко-культурного, территориального и языкового единства, говорившего бы о существовании в прошлом подлинной языковой общности, и в частности, существования праюжнославянского и празападнославянского языков.

1.6. Карты Атласа позволяют последить динамику процессов, протекающих в славянских диалектах. Карты Атласа указывают на такую яркую особенность славянских диалектов, как их динамичность, которая проявляется в том, что диалекты всех славянских языков способны к активному порождению лексем, определяющих их «портретное» своеобразие. Наличие подобных образований дает основание предположить, что на современном этапе развития славянских языков возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия, как от литературного языка, так и от других диалектов. Так возникают эксклюзивные лексемы, характерные для диалектов лишь одного языка (ср., например, такие яркие эксклюзивы русского языка, как *мур-аѣ-ъ* к. 41 ‘муравей’ (т. 1: *Животный мир*); *зем-ј-ан-ѣк-а* к. 45 ‘земляника’ (т. 3: *Растительный мир*); *родъ-dorž-ъn-ik-ъ* к. 52 ‘подорожник’ (т. 3: *Растительный мир*); *ро-gost-ъ* к. 50 ‘кладбище’ (т. 10: *Народные обычаи*) и др. украинского *||ež-ak-ъ* к. 10 ‘еж’ (т. 1: *Животный мир*); *сис-en-е* к. 26 ‘щенок’ (т. 2: *Животноводство*); *gost-ј-av-in-a* к. 10 ‘густые заросли в лесу’ (т. 3: *Растительный мир*); белорусского *zob-a* к. 18 ‘клюв птицы’ (т. 1: *Животный мир*); *ро-рар-ъ* к. 23 ‘пар, земля, которую не пахали в течение года’ (т. 4: *Сельское хозяйство*); *tъst-ost-ъ, съ-dor-ъ* к. 29 ‘топленое свиное сало’ (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*); польского *јask-ol-ѣк-а* к. 24 ‘ласточка’ (т. 1: *Животный мир*); *kot-ic-a* к. 16 ‘кошка’ (т. 2: *Животноводство*); *ne-za-ро-тін-а-ј-ѣк-а* к. 53 ‘незабудка’ (т. 3: *Растительный мир*); лужицкого *rotpul-a* к. 22 ‘перепелка’ (т. 1: *Животный мир*); (*bar*)-ъ к. 5 ‘медведь’ (т. 1: *Животный мир*); (*kast*)-ъ к. 48 ‘гроб’ (т. 10: *Народные обычаи*); чешского *ščik-a* к. 37 ‘щука’ (т. 1: *Животный мир*); *сар-ъ* к. 29 ‘аист’ (т. 1: *Животный мир*); *сѣк-аѣ-ъ* к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ (т. 4: *Сельское хозяйство*); словацкого *smag-ъ* к. 9 ‘желание, потребность пить’ (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*); (*olovrant*)-ъ к. 61 ‘полдник’ (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*); *раѣ-i-ть <se>* к. 2 ‘нравится’ (т. 10: *Народные обычаи*); словенского (*pantegan*)-а к. 13 крыса (т. 1: *Животный мир*); *рѣt-el-in-ъ* к. 11 ‘петух’

(т. 2: *Животноводство*); *čьbel-ar-ь* к. 27 ‘человек, который разводит пчел’ (т. 8: *Профессии ...*); хорватского *kuk-ov-ač-a* к. 21 ‘кукушка’ (т. 1: *Животный мир*); *bor-ov-ic-a* к. 47 ‘брусника’ (т. 3: *Растительный мир*); *dět-ьč-ьk-o* к. 8 ‘жених’ (т. 10: *Народные обычаи*); сербского *кър-ljusk-j-ь* к. 39 ‘чешуя рыбы’ (т. 1: *Животный мир*); *stьrv-in-a* к. 51 ‘падаль,дохлое животное’ (т. 2: *Животноводство*); македонского *таč-or-ьk-ь* к. 10 ‘кот’ (т. 2: *Животноводство*); *volk-ьп-a* к. 46 ‘шерсть’ (т. 2: *Животноводство*); *paš-ьk-a, o-paš-ьk-a* к. 48 ‘хвост’ (т. 2: *Животноводство*); болгарского *pri-lěp-ь* к. 15 ‘летучая мышь’ (т. 1: *Животный мир*); *klьv-ač-ь* к. 20 ‘дятел’ (т. 1: *Животный мир*); *bil-ьk-a* к. 11 ‘женщина в день свадьбы’ (т. 10: *Народные обычаи*) и др.).

Эти слова «не любят путешествовать». Возникнув в том или ином пространстве, они, как правило, остаются «верными» ему всю свою жизнь.

Эти ареалы чаще всего являются небольшими, однако иногда они могут плотно покрывать территорию диалектов того или иного языка (ср., например, ареалы лексемы *gъrb-uš-ьk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*); *ob-čist-ьk-u* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ (т. 6: *Домашнее хозяйство и приготовление пищи*); *//už-in-ь* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*); (*denьg*)-y к. 49 (т. 8: *Профессии ...*) в русских диалектах; *čар-ь* к. 29 ‘аист’ (т. 1: *Животный мир*); *сѣk-ač-ь* к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ (т. 4: *Сельское хозяйство*); *žed-j-//n-ь* к. 9 ‘желание, потребность пить’ (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*); *ljub-a-j-e-ть, gorb-ič-ьk-u-j-e-ть* к. 4 ‘целует’ (т. 10: *Народные обычаи*) в чешских диалектах; или *jask-ol-ьk-a* к. 24 ‘ласточка’ (т. 1: *Животный мир*), *lax-a-j-e-ть <se>, lox-a-j-e-ть <se>* к. 69 ‘находится в состоянии течки’ (о свинье) (т. 2: *Животноводство*); (*kukuryz*)-a к. 54 ‘кукуруза’ (т. 4: *Сельское хозяйство*); *prag-ьп-en-ьj-e* к. 9 ‘желание потребность пить’ (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*); (*kolacij*)-a к. 62 ‘ужин’ (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*); *pal-j-ač-ь* к. 22 ‘человек, который курит папиросы’ (т. 10: *Народные обычаи*) – в польских; (*pantegan*)-a к. 13 ‘крыса’ (т. 1: *Животный мир*); *štyrk-l-j-a, štyrk-l-j-e* к. 29 ‘аист’ (т. 1: *Животный мир*); *сѣп-ьс-a* к. 6 ‘тень под деревом’ (т. 3: *Растительный мир*); *сѣп-ьс-a* к. 6 ‘тень человека’ (т. 3: *Растительный мир*); (*štrigel*)-j-ь к. 52 ‘скребница’ (т. 2: *Животноводство*) – в словенских и т.д.).

При этом следует отметить, что только в русских диалектах это явление носит массовый характер, так как именно здесь эксклюзивы имеют часто самое широкое распространение (ср., например, ареалы таких русских эксклюзивных лексем, как *kri-dl-uš-ьk-o* к. 19 ‘крылышко’ (т. 1: *Животный мир*); (*aist*)-ь к. 29 ‘аист’ (т. 1: *Животный мир*); *češ-uj-a* к. 39 ‘чешуя рыбы’ (т. 1: *Животный мир*); *bab-ьč-ьk-a* к. 45 ‘бабочка’ (т. 1: *Животный мир*); *čest-j-a* к. 10 ‘густые заросли в лесу’ (т. 3: *Растительный мир*); *rod-sъln-ьč-ьп-ik-ь*

к. 21 'подсолнечник' (т. 4: *Сельское хозяйство*); //už-in-ъ к. 62 'ужин' (т. 6: *Домашнее хозяйство* ...) и др.).

Объяснить явление широкого распространения эксклюзивной лексемы можно, по-видимому, тем, что данная лексема стала достоянием литературного языка (ср. мак. лит. *мрсен*; блг. лит. *кобилица*, *телешко*; чеш. лит. *čár*; *kosáč*, *rajče*, *žizeň*; слц. лит. *olovrant*; *lievik*; плс. лит. *jaskółka*; *locha się*; *kukurudza*; *pragnienie*; *kolacja*; н-луж. лит. *pata*; *seck*; укр. лит. *іжак*, *перевесло*; рус. лит. *аист*, *бабочка*, *огурец*, *чешуя*, *чаща*, *огурец*, *ужин* и т.д.), что во многом способствовало укреплению ее «жизненной силы» и соответственно распространению. Благодаря этим лексемам происходит «портретное» оформление диалектов того или иного славянского языка.

2. С чем связано появление эксклюзивов?

Основная причина появления эксклюзивов связана с особенностями восприятия и осмысления предметов и явлений внешнего мира, с той номинативной логикой, в соответствии с которой происходила его лексическая параметризация. Своеобразие в восприятии и категоризации мира носителями тех или иных диалектов, углубленная детализация мотивационных признаков, положенных в основу названий, и соответственно разная сегментация их языковым сознанием одного и того же семантического участка привели постепенно к образованию отличительно характеризующей лексики. Давление же языковой системы способствовало тому, что освоение окружающего мира проходило по тем языковым моделям, которые были актуальными для данных диалектов.

Это своеобразное видение внешнего мира особенно ярко проявляется в мотивационных признаках, лежащих в основании эксклюзивных лексем.

Ярким примером такого лексического эксклюзива может служить обозначения ужина в славянских диалектах: для большинства славян характерно внимание к идее времени, в частности к определенному промежутку времени как части суток (ср. *večer-ь*, *večer-j-a*) и только в русских диалектах в признаках лексем //už-in-ъ, //už-in-a, //už-ьп-a к. 62 'ужин, вечерняя еда' (т. 6: *Домашнее хозяйство* ...) отразилась идея движения солнца, его пространственной локализации на небосклоне как указания на время приема пищи (из праслав. *jugъ, ср. Фасмер, т. 4: 152).

Другой пример такого лексического эксклюзива можно найти на к. 14 'подходит, растет' (о тесте) (т. 6: *Домашнее хозяйство* ...): если в большинстве славянских диалектов этот процесс осмысляется через идею «движения» (о чем говорят корни *xod(j)-/*xad(j)- или *dviġ-/*dviž- распростра-

ненные в словенских (слн. *usxà:ja, s'xa:ja*), хорватских (хрв. *sxa:ja, 'diže se*), польских (плс. *potxoži*), чешских (*sxa:zi:*) и восточнославянских диалектах (рус. *pot'xod'it pat'xod'it'*; укр. *p'id'xode*; блр. *pat'xoz'a*); или «роста» (корень **orst-* в словацких (*rošné*), польских (*rošné*), южно- и восточнославянских диалектах (слн. *'rastā*; хрв. *ra:s'te*; серб. *rá:ste, ra:s'te:*; мак. *rastet*; блг. *rās'te*; блр. *ras''c'oc'*; укр. *ros'te*; рус. *ras''t'ot'*), то в кашубских диалектах этот процесс осмысливается через идею «работы» (ср. корень **orb-* в кашубских (кашуб. *'ro^ub'i, 'rob'i*).

Другая причина появления эксклюзивных лексем нередко связана с культурно-историческим влиянием других языков. Причем в западнославянских и словенских диалектах особенно часто немецкого языка, а в южнославянских – турецкого. Фонетическое и морфологическое освоение иноязычного слова в соответствии с языковой системой «принимающих» диалектов часто вело к образованию эксклюзивной лексемы.

Интересным примером культурно-языкового влияния, отразившегося на образовании эксклюзивов в славянских диалектах, являются названия денег. На к. 49 'деньги' (т. 8: *Профессии ...*) практически отсутствуют славянские названия. Исключение представляют лишь сербские и хорватские диалекты, в которых широко распространена лексема *nov-ъc-i* (первая фиксация 1753 г.), являющаяся, по-видимому, универбом, восходящим либо к сочетанию *novi pjenez*, либо к сочетанию *novobradski pjenez*, где был когда-то монетный двор (Skok, т. 2: 526).

В остальных славянских диалектах «прижились» лексемы неславянского происхождения: в русских диалектах эксклюзивная лексема татарского происхождения (*denъg*)-у (она была заимствована из тюрк. диал. *dengā* (Шапошников, т. 1: 217) и вошла в русский речевой обиход в период Золотой орды XIII-XIV вв.), в украинских и белорусских диалектах – лексема (*groš*)-i, восходящая к лат. *grossus*, в западнославянских диалектах, а также в словенских и в некоторых хорватских – лексема (*pěnež*)-e, (*pěnež*)-i германского происхождения (герм. *pfenning*), в сербских, македонских и болгарских диалектах – лексема *pari* (из тур. *para* < араб. *raḡā*), в словенских диалектах – лексема (*děnar*)-ъj-e, имеющая латинские корни (лат. *dēnārius*), наконец в приморских словенских и в отдельных хорватских чакавских говорах получила распространение лексема (*sold*)-i, (*šold*)-i, которая восходит к итал. *soldo*.

Сам этот факт говорит о том, что появление большинства эксклюзивных лексем относится к периоду самостоятельного существования языка и является свидетельством позднего культурного заимствования.

Кроме того, о позднем происхождении многих эксклюзивных лексем говорит и само значение слова, отсылающее нас к реалиям современной жизни (ср. слн. *děl-av-ъk-a* к. 41 'женщина, которая работает на заводе или на

фабрике' (т. 8 *Professii ...*); *sz-vęz//-ъk-ъ* к. 35 'тетрадь' (т. 8: *Professii ...*); *svin-ъč-ъn-ik-ъ* к. 36 'карандаш' (т. 8: *Professii ...*); (*šol*)-*ar-ъ* к. 33 'мальчик, который учится в школе' (т. 8: *Professii ...*); чеш. *rys-an-ъj-e, do-pis-ъ* к. 38 'письмо' (т. 8: *Professii ...*); *na-měst-ъj-e* к. 47 'рынок' (т. 8: *Professii ...*); *děl-ъn-ik-ъ* к. 40 'человек, который работает на заводе или на фабрике' (т. 8: *Professii ...*); *val-ъk-a* к. 67 'война' (т. 8: *Professii ...*); укр. *olov-ъs-ъ* к. 36 'карандаш' (т. 8: *Professii ...*) и т.д.).

Пространственный критерий при хронологической стратификации слов-экслюзивов коррелирует с еще одним критерием – языковым. Если обратить внимание на словообразовательную структуру этих имен, то нетрудно заметить, что в большинстве своем они представлены производными лексемами (ср. рус. *sz-klad-ъn-ъč-ъk-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек'; *kvaš-en-ъk-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева', *u-stoj-ъk-ъ, szn-jьm-ъk-ъ, szn-jьm-ъk-y* на к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *gъrčb-ъk-ъ, gъrč-ъč-ъk-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *kraj-ux-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' *žьlt-yš-ъ, žьlt-yš-ъk-ъ, žьlt-yš-ъk-o* к. 43 'желтая часть яйца'; *kor-in-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *peг-xvat-ъk-a* к. 58 'завтрак, утренняя еда' и т.д.). И это само по себе является свидетельством их позднего образования. Примечательно, что многие из этих экслюзивов образуются по продуктивным словообразовательным моделям, сложившимся в процессе эволюции словообразовательной системы того или иного языка (ср., например, польские экслюзивы, обозначающие детенышей животных, все они образуются с помощью суф.=*ak-ъ*, ср. *kot-ъ=ak-ъ* к. 25 'котенок' (т. 2: *Животноводство*); *ščen-ъ=ak-ъ* к. 26 'щенок' (т. 2: *Животноводство*); *tel-ъ=ak-ъ* к. 28 'теленочек' (т. 2: *Животноводство*); *//agn-ъ=ak-ъ* к. 29 'ягненок' (т. 2: *Животноводство*); *porъs-ъ=ak-ъ* к. 31 'поросяенок' (т. 2: *Животноводство*); *kur-ъč-ъ=ak-ъ* к. 32 'цыпленок' (т. 2: *Животноводство*); *gъs-ъ=ak-ъ* к. 33 'гусенок' (т. 2: *Животноводство*) и т.д.), тогда как соответствующие русские названия детенышей животных образуются с помощью суф.=*онок-ъ*, утвердившегося в русском языке в XVII в.).

Наконец, об этом говорит и тот факт, что очень часто их появление в языке связано с культурно-историческим влиянием европейских языков. Не случайно среди экслюзивных лексем так много заимствований из немецкого, латинского, греческого, турецкого, венгерского и др. языков (ср. плс. экслюзивы: (*škol*)-*ъn-ъ* к. 31 'человек, который учит в школе' (т. 8: *Professii ...*): этот экслюзив возник в XIV в. на базе лат. *scola*; позднее от него образовались производные типа *szkolny* → *szkolnictwo* (Woryś, с. 604); или (*тъlinar*)-*ъč-ik-ъ* к. 21 'сын мельника' (т. 8: *Professii ...*): в основе этого польского экслюзива лежит лат. *molīnārius*; слав. **тъlinь* 'водяная мельница' является

заимствованием из лат., через посредство др.-в.-нем. (в XIV в.)¹⁷. От него образовалось *młynarz* → *młynarka*, *młynarstwo* (Boryś, с. 333); (*kolacij*)-а к. 62 ‘ужин’ (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*) от лат. collation XVI в. (Brückner, с. 244); (*šand*)-у к. 2 ‘кормысло’ (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*) из нем. диал. schande; или рус.: (*aist*)-ъ к. 29 ‘аист’ (т. 1: *Животный мир*) слово известно с XVII в. вероятно из нем. диал. Heister (Шапошников, т. 1: 19); (*ogur*)-ьс-ь к. 16 ‘огурец’ (т. 4: *Сельское хозяйство*) в русском языке появляется в XVI-XVII в. заимствовано из позднегреческого ἀγγούρος (Шапошников, т. 2: 59); (*denʹg*)-у к. 49 (т. 8: *Профессии ...*): слово вошло в русский речевой обиход в период Золотой орды XIII–XIV вв., заимствовано из тюрк. диал. dengā (Шапошников, т. 1: 217); слн: (*pantegan*)-а к. 13 крыса (т. 1: *Животный мир*) появляется в XVIII в. в результате заимствования из ит. pantegana (Bezłaj, с. 68); (*štrigel*)-j-ь к. 52 скребница (т. 2: *Животноводство*) слово было заимствовано в XVI в. из ср.-в.-н. strigel < лат. strigilis (Bezłaj, с. 120); (*žnid*)-ar-ь к. 16 ‘портной’ (т. 8: *Профессии ...*) слово было заимствовано в XVI в. из ср.-в.-н. snider (Bezłaj, с. 473); (*glaz*)-ь к. 6 ‘стакан’ (т. 6: *Домашнее хозяйство ...*) заимствование из ср.-в.-н. Glas (Bezłaj, с. 145).

Сам этот факт говорит о том, что появление большинства эксклюзивных лексем относится к периоду самостоятельного существования языка и является свидетельством позднего культурного заимствования.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что многие из эксклюзивных лексем, имеющих обширные ареалы, стали достоянием литературного языка, что также свидетельствует о том, что их утверждение в данном языке относится к национальному периоду его развития.

Таким образом, несмотря на различный характер ареалов эксклюзивных лексем, как обширные, так и ограниченные ареалы являются чаще всего величинами позднего времени, т.е. фактом собственной истории того или иного языка. Большинство эксклюзивных лексем сформировалось в период становления национального самосознания и оформления государственности. Процесс созревания этно-политического самосознания, стремление отличить себя от соседей и подчеркнуть свою культурную специфику, осознание своей общности и вместе с ней исключительности обретал в этих именах дополнительный стимул.

Итак, опираясь на материалы *Общеславянского лингвистического атласа*, мы попытались показать, что среди множества слов, представленных на

¹⁷ «Знакомство славян с водяными и ветряными мельницами, как и само их распространение в северной Европе шло с романских территорий, так как древние славяне знали лишь ручные мельницы» (Boryś 2005: 333).

картах Атласа, отчетливо просматриваются несколько групп, которые проецируются в разновременные плоскости:

- одни из них детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности);
- другие определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и параллельным развитием сходного явления;
- третьи – факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов и восходят к эпохе самостоятельного развития славянских языков);
- четвертые – факторами культурно-историческими, связанными со становлением национального самосознания и оформления государственности и т.д.

Поэтому в историческом развитии славянского диалектного континуума важную роль сыграли три фактора – фактор генетически унаследованного, фактор контактной конвергенции и фактор универсально-типологического.

Материалы Атласа являются, таким образом, убедительным свидетельством того, что ареалы – это пространственно-временные образования, ибо время – лишь одна из форм существования материи, тогда как другой ее формой является пространство. В связи с этим разные временные фазы существования языковой единицы находят соответствия в своих пространственных структурах.

Обширные материалы Атласа свидетельствуют о том, что мы имеем дело с массовыми показаниями лексики. И эту массовость невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя. В этом смысле карта является безальтернативным источником исторических сведений о слове. Несомненно, что лингвистическая карта несет в себе уникальную информацию, которая еще только начинает изучаться. Сегодня, когда «развитие лингвистической географии достигло столь большого размаха, совершенно очевидно, что этот этап в развитии языкознания – один из поворотных этапов, которому принадлежит большое будущее» (Бородина 1966: 11). Благодаря лингвистической географии, мы имеем возможность прикоснуться к «живому» праславянскому слову и в необозримой реализации его словообразовательных моделей почувствовать «дыхание времени». В этом отношении *Общеславянский лингвистический атлас* является бесценным источником для изучения истории формирования современных славянских языков и диалектов. Используя метафору В. Дорошевского, можно сказать, что «слова в нем – это мосты, переброшенные над веками».

Литература

- Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная:*
 Вып. 1: *Животный мир*, гл. ред. Р. И. Аванесов, Москва 1988.
 Вып. 2: *Животноводство*, red. nauk. V. Falińska, Warszawa 2000.
 Вып. 3: *Растительный мир*, гл. ред. А. И. Падлужны, Минск 2000.
 Вып. 4: *Сельское хозяйство*, ved. red. A. Ferenčíková et al., Bratislava 2012.
 Вып. 6: *Домашнее хозяйство и приготовление пищи*, отв. ред. Т. И. Вендина, Москва 2007.
 Вып. 8: *Профессии и общественная жизнь*, red. J. Basara, J. Siatkowski, Warszawa 2003.
 Вып. 9: *Человек*, red. J. Siatkowski, J. Waniakowa, Kraków 2009.
 Вып. 10: *Народные обычаи*, отв. ред. Т. И. Вендина, Москва 2015.
- Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая:*
 Вып. 1: *Рефлексы *ě*, под общ. ред. В. В. Иванова, Белград 1988.
 Вып. 2а: *Рефлексы *ę*, гл. ред. В. В. Иванов, Москва 1990.
 Вып. 2б: *Рефлексы *ǫ*, red. nauk. J. Basara, Wrocław : Warszawa : Kraków 1990.
 Вып. 3: *Рефлексы *ь; *ьг; *ьл; *ьI*, red. nauk. J. Basara, Warszawa 1994.
 Вып. 4а: *Рефлексы *ь, *ь*, отв. ред. D. Vozović, Zagreb 2006.
 Вып. 4б: *Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные*, гл. ред. З. Тополинська, Д. Петровић, Скопје 2003.
 Вып. 5: *Рефлексы *о*, отв. ред. Т. И. Вендина, Л. Э. Калнынь, Москва 2008.
 Вып. 6: *Рефлексы *е*, отв. ред. Т. И. Вендина, Л. Э. Калнынь, Москва 2011.

* * *

- Бернштейн С. Б., 1961, *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, Москва.
- Бородина М. А., 1966, *Проблемы лингвистической географии*, Москва.
- ЕСУМ, 1982–2012 = *Етимологічний словник української мови*, ред. О. С. Мельничук, т. 1–6, Київ.
- СРЯ XI–XVII, 1975– = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, т. 1–, ред. С. Г. Бархударов (Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев, Г. А. Богатова), Москва.
- Шапошников А. К., 2010, *Этимологический словарь современного русского языка*, т. 1–2, Москва.
- Фасмер М., 1964–1973, *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–4, Москва.
- ЭССЯ, 1974– = *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, т. 1–, ред. О. Н. Трубачёв, Москва.
- Bezljaj F., 1977–2005, *Etimološki slovar slovenskega jezika*, knj. 1–4, Ljubljana.
- Boryś W., 2005, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków.
- Brückner A., 1985, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa.
- Skok P., 1971–1974, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. 1–4, Zagreb.

References

- Obshcheshlavianskii lingvisticheskiĭ atlas*. Seria leksiko-slovoobrazovatel'naia:
 Vyp. 1: *ZHivotnyi mir*, ed. R. I. Avanesov, Moskva 1988.
 Vol. 2: *ZHivotnovodstvo*, ed. B. Falińska, Warszawa 2000.
 Vol. 3: *Rastitel'nyi mir*, ed. A. I. Padluzhny, Minsk 2000.
 Vol. 4: *Sel'skoe khoziaĭstvo*, ed. A. Ferenčíková et al., Bratislava 2012.
 Vol. 6: *Domashnee khoziaĭstvo i prigotovlenie pishchi*, ed. T. I. Vendina, Moskva 2007.
 Vol. 8: *Professii i obshchestvennaia zhizn'*, eds. J. Basara, J. Siatkowski, Warszawa 2003.
 Vol. 9: *Chelovek*, eds. J. Siatkowski, J. Waniakowa, Kraków 2009.
 Vol. 10: *Narodnye obychai*, ed. T. I. Vendina, Moskva 2015.
- Obshcheshlavianskii lingvisticheskiĭ atlas*. Seria fonetiko-grammaticheskaia:
 Vol. 1: *Refleksy *ě*, ed. V. V. Ivanov, Belgrad 1988.
 Vol. 2a: *Refleksy *ę*, ed. V. V. Ivanov, Moskva 1990.
 Vol. 2b: *Refleksy *o*, ed. J. Basara, Wrocław : Warszawa : Kraków 1990.
 Vol. 3: *Refleksy *br; *br; *bl, *bl*, ed. J. Basara, Warszawa 1994.
 Vol. 4a: *Refleksy *b, *b*, ed. D. Brozović, Zagreb 2006.
 Vol. 4a: *Refleksy *b, *b*. *Vtorichnye glasnye*, eds. Z. Topolinska, D. Petrović, Skopje 2003.
 Vol. 5: *Refleksy *o*, eds. T. I. Vendina, L. Ė. Kalnyn', Moskva 2008.
 Vol. 6: *Refleksy *e*, eds. T. I. Vendina, L. Ė. Kalnyn', Moskva 2011.
- * * *
- Bernshteĭn S. B., 1961, *Ocherk sravnitel'noĭ grammatiki slavianskikh iazykov*, Moskva.
 Bezljaj F., 1977–2005, *Ėtimološki slovar slovenskega jezika*, knj. 1–4, Ljubljana.
 Borodina M. A., 1966, *Problemy lingvisticheskoĭ geografii*, Moskva.
 Boryś W., 2005, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków.
 Brückner A., 1985, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa.
Ėtimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov. Praslavianskiĭ leksicheskiĭ fond [ESSJA], vols. 1–, ed. O. N. Trubachëv, Moskva, 1974–.
Ėtimolohichnyiĭ slovnyk ukraĭns'koĭ movy [ESUM], ed. O. S. Mel'nychuk, vols. 1–6, Kyïv, 1982–2012.
 SHaposhnikov A. K., 2010, *Ėtimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka*, vols. 1–2, Moskva.
 Skok P., 1971–1974, *Ėtimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. 1–4, Zagreb.
Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. [SRJA XI–XVII], vols. 1–, ed. S. G. Barkhudarov (F. P. Filin, D. N. SHmelev, G. A. Bogatova), Moskva 1975–.
 Vasmer M., 1964–1973, *Ėtimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, vols. 1–4, Moskva.

Summary

Word in space and time

This article analyzes the common Slavic linguistic atlas maps (OLA). Assessing the preliminary results of the OLA project, the author focused her attention on the new linguistic geography data given in the Atlas, and the evolution of some units and Proto-Slavic dialect differentiation of Slavia.

Keywords: dialectology, General Slavonic Linguistic Atlas (OLA), historical and comparative linguistics, linguistic geography, Slavic languages.

